

18+

Дария Максимова

СМЕХ ВИСЕЛЬНИКА

Дария Максимова

Смех висельника

«Издательские решения»

Максимова Д.

Смех висельника / Д. Максимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980206-4

Она куталась в агрессию и равнодушие, как в броню, а в душе у неё был пожар... После смерти сестры для шестнадцатилетней Риты всё потеряло смысл. Она считала себя виновной в её смерти и мстила себе, уничтожая день за днём, пока однажды всё не поменялось... Это история о потере, самоуничтожении, одержимости, предательстве и любви, рассказанная от лица подростка.

ISBN 978-5-44-980206-4

© Максимова Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Смех висельника

Дария Максимова

© Дария Максимова, 2020

ISBN 978-5-4498-0206-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается поломанным людям

*За каждой маской есть лицо,
а за ним – история.
Марти Рубин*

Пролог

*Люди творят странные вещи,
когда их постоянно осуждают, а не любят.*

Из сериала «Блудливая Калифорния»

Мы все по-разному относимся к поломанным вещам: одни проходят равнодушно мимо, другие не замечают поломки, третьи доламывают до конца, четвёртые чинят.

Так и с людьми. Люди ломают друг друга, но они же и чинят. Поломанные люди могут казаться злыми и агрессивными, но на самом деле они просто нуждаются в починке.

Глава 1

*Где, есть злость, под ней
всегда скрывается боль.*

Экхарт Толле

Я стояла, дымила на балконе с бокалом вина в руке. Мои мысли летали где-то далеко, и мне даже начало казаться, что я получаю удовольствие от сигарет, когда я услышала сзади чьи-то шаги. Я же хотела побыть одна – специально ушла от шумной тусовки и начинавшейся вакханалии!

– Привет, – я вздрогнула и обернулась. Рядом со мной стоял Кирилл.

– Ну, привет, – пробормотала я и снова затянулась. Он тоже достал зажигалку и закурил. Около минуты мы простояли в тишине.

– Какая эта сигарета по счёту? – спросил он, нарушив молчание. Я пожала плечами. Седьмая или десятая – какая разница?

– Как давно куришь?

– Месяц и девять дней, – я помнила точную дату: двадцать восьмое декабря, спустя шестнадцать дней после смерти моей сестры.

– Тогда у тебя вряд ли могла начаться зависимость, чтобы ты так часто курила.

Он был прав. Никакой зависимости у меня не было, как бы я не пыталась доказать обратное. Многим сигареты приносят удовольствие. Мне они тоже помогают расслабиться: когда курю, мне всегда лезут в голову какие-то мысли, спокойные и размеренные.

Я затянулась ещё раз и выпустила ядовитый дым через рот.

Хотя бывает, что курение вызывает у меня даже неприязнь, но от этого я курю только ещё больше. Возможно, мне реально нравится заниматься мазохизмом. А вообще, маленькая неприязнь к сигаретам может быть семейной. Моя сестра тоже пробовала курить в классе седьмом, причём не сказав об этом мне, и её не затащило. Курила она, правда, всего несколько раз: пять, семь или десять – она сама не помнила. Но вот подруге, которая курила вместе с ней, бросить было очень тяжело. Мой отец тоже пробовал курить лет в восемнадцать, его тогда стошнило. Мне с этим повезло больше: сигареты не приносят удовольствия, но и отвращение вызывают крайне редко.

– Ты столько куришь, чтобы она появилась? – в его голосе слышалась доля иронии, хотя он опять попал в точку и снова прервал мои размышления. И когда он, вообще, свалит?! Неужели не видно, что я хочу побыть одна?! – Почему ты куришь? Ты ведь знаешь, что курение убивает и бла-бла-бла?

Пф, конечно, знаю. За кого он меня принимает? Я знаю и про рак лёгких, и про вероятность инсультов и инфарктов, и про многое другое. Не вчера родилась. Всё это очень красочно описано в Интернете.

– Чтобы умереть, – сказала я своим самым серьёзным голосом, но увидев, как вытянулось его лицо, прыснула от смеха. Вообще, мне не было смешно. Это был нервный смех, у меня такое временами случается. Глупо получилось: ещё примет меня за дуру, хотя, если честно, мне всё равно. И я сказала ему правду: мне реально не хочется жить. Я даже думала выпрыгнуть из окна, но нежелание причинить боль родителям и друзьям остановила меня, и ещё страх: страшновато лишать жизни себя самой и как-то неправильно, непривычно, что ли. Хотя я очень много думала о суициде: всего один шаг, несколько секунд в полёте, и я разобьюсь в лепёшку, мозги растекутся по асфальту – в общем, не самая приятная картина, но зато быстро и почти

безболезненно. Возможно, если бы я напилась в хлам, у меня было бы больше безрассудства, и я бы выпрыгнула...

Я сделала ещё один глоток из бокала. На вкус вино было не очень, но зато через несколько секунд оно приятным теплом разлилось у меня в желудке, придав мне больше уверенности.

– Медленно, но верно я иду к смерти, – я криво улыбнулась, мог бы глаза так не тарачить. Он открыл рот, желая что-то сказать, но передумал. Видно, чувство такта взяло наконец верх, и он опять затянулся. Смешно слушать о вреде курения от курильщика. – А ты сам почему куришь?

– Я бросаю. Пять лет назад, когда мне тринадцать было, по глупости начал.

– И сколько лет ты бросаешь?

– Уже почти полтора года.

– Ну и как? Результат есть? – интересно: а он почувствовал иронию в моём голосе?

– Меньше стал курить, и медленно, но верно я иду к жизни, – он усмехнулся, плагиатор несчастный. – А почему ты хочешь умереть? – я вздохнула. Насчёт чувства такта я поторопилась: по ходу, у Кирилла его вообще не было.

– Многие считают, что можно делать, что хочешь, и пробовать всё в своей жизни, начиная с сигарет и алкоголя и заканчивая наркотиками, потому что что бы мы ни делали, мы всё равно умрём. Как там? Кури – умрёшь, пей – умрёшь, люби – умрёшь. Делай, что хочешь, всё равно умрёшь.

– Но ты ведь так не считаешь? – и он опять попал в точку.

– Мы все когда-то умрём, всё зависит только от того когда и как. Можно в двадцать пять умереть от ломки или от передозировки наркотиками, а можно в восемьдесят – в окружении внуков.

– Ты что выберешь?

– Конечно, первое, – я усмехнулась. Когда же он со своими дурацкими вопросами свалит?! Я хочу побыть одна!

– Не верю, чтобы ты пробовала наркотики.

– Я их и не пробовала, – всё-таки мне не хотелось выглядеть в его глазах наркоманкой. Я думала о наркотиках, но я не знаю, как я себя поведу, если приму их. Я хочу навредить только себе, и я боюсь нанести вред окружающим, поэтому и с вином стараюсь не перебарщивать.

Я сделала ещё одну затяжку и посмотрела, как дым через приоткрытое окно попадает на улицу и исчезает среди танцующих снежинок. На улице, наверно, было очень холодно, но так как балкон был застеклён, этого не чувствовалось.

– Красивый вид, да? – спросил Кирилл, но я ничего не ответила, чтобы он понял, что пора оставить меня в покое. Хотя вид на ночной город и правда был красивым: вдалеке виднелись огни высоток, а над ними – синее небо со звёздами. Мы с сестрой любили подолгу стоять на балконе и любоваться ночью, вдыхать её особый запах...

– Смотри: звезда падает! Будешь загадывать желание?

– Конечно, нет! – я фыркнула. – Звезда – это всего лишь газовый шар, излучающий свет; каменное тело, которое, падая, сгорает в атмосфере, – мне очень хотелось его обломать, хотелось сказать что-то грубое и резкое, чтобы он, наконец, отвалил. После смерти сестры я часто (практически всегда) бываю злой, и от той доброй, милой отличницы не осталось ни следа, ну почти. Я стала агрессивной, и мне это нравится. Обычно у меня только два состояния: либо я злая на весь мир, и мне хочется всех убить, либо мне на всё пофиг. Кстати, пофигизм пугает меня сильнее, и иногда он появляется неожиданно: я понимаю, что в некоторых ситуациях мне должно быть неприятно, а мне всё равно. Хотя бывает, что я, наоборот, радуюсь равнодушию или мне его даже не хватает.

– Ну как хочешь, а я загадаю.

– Ну и дурак, – я сказала это громче, чем хотела, и Кирилл посмотрел на меня.

– Почему ты такая злая сегодня?

– Я всегда такая. И знаешь что?! Свали уже! Ты меня достал со своим допросом! – я постаралась сказать это как можно более грубо и резко, чтобы он уже ушёл.

– Это был не допрос – я просто спрашивал, и ты могла не отвечать, если не хотела, – голос у него был немного обиженный, и мне на секунду стало его жаль, но я тут же отбросила эти мысли. Пусть не считает меня милой и хорошей, или что он там считает и считает ли вообще.

– Если тебе так хочется поговорить, найди себе кого-нибудь другого! Я хочу побыть одна! В соседней комнате полно людей...

– Пьяных в хлам, – продолжил он за меня и усмехнулся.

– Я, может, тоже скоро буду, – я демонстративно допила залпом бокал и еле сдержала рвоту, и, кажется, он это заметил, потому что посмотрел на меня с тревогой и жалостью.

Сколько раз повторять: не надо меня жалеть! Ненавижу, когда говорят, какая я бедная и несчастная, сколько пережила, что агрессия – моя реакция на психологическую травму! Ненавижу, когда меня жалеют! Не надо этого делать! Я специально делаю себе больно! Я специально «загубливаю свою молодую жизнь», или как они там это называют! Мне это нравится! Нравится заставлять себя страдать! Я так мщу себе за то, что ничего не смогла сделать, когда моя сестра умирала, что не смогла её спасти, за своё бессилие. Все утверждают, что я не виновата, но мне плевать, что они говорят! Я чувствую себя так, будто это я толкнула её под тот грузовик!

Мы тогда сильно с ней поругались. У неё, вообще, был довольно тяжёлый характер. Обычно я шла ей на уступки, но в тот раз я взбесилась и наорала на неё, да и она на меня тоже. Я ей сказала, чтобы она шла, куда хочет, мне плевать; что она меня достала, что я терпеть её не могу. Понимаете, это было последнее, что я ей сказала! Это был наш последний разговор! Она мне тоже наговорила столько гадостей, что мне захотелось задушить её, а потом она развернулась и пошла к перекрёстку. Я, в мыслях проклиная её, пошла в противоположную сторону, а через несколько секунд я услышала визг тормозов и крик. Её последний крик! Я теперь часто слышу его в своих кошмарах.

Я тогда почувствовала, что произошло что-то ужасное. Когда я обернулась, я увидела затормозивший «ЗИЛ» и рядом её тело, всё в крови. Внутри меня что-то рухнуло, меня обдало диким холодом, и я со всех ног побежала к ней. Горел красный, но все машины остановились. «Она пошла на красный! Она была настолько взволнована, что не заметила, что горит красный!». В ушах у меня звенело, и пропало ощущение реальности. Я будто была во сне. В страшном сне. В кошмаре.

– Алиса? Алиса! – голос у меня дрожал. – Алиса, ответь что-нибудь! Ты меня слышишь? Алиса!

Меня скрутило и парализовало от страха. У меня была паника, я не знала, что делать. Какой-то парень пощупал её пульс.

– Она жива! Кто-нибудь вызовите скорую!

Я стала дрожащими пальцами набирать номер скорой, но руки меня не слушались, они дико тряслись, и тот парень отобрал у меня телефон и набрал вместо меня. Долгие гудки. Слишком долгие. Мне тогда казалось, что они длились вечно, прежде чем я, наконец, услышала голос в трубке.

Скорая приехала всего через несколько минут, но это были ужасные минуты ожидания. Я начала рыдать, пыталась остановиться, но у меня началась истерика. Какие-то женщины пытались меня успокоить, но я не слышала их. Тут ко мне подошёл водитель грузовика и стал извиняться, и даже положил мне руку на плечо. Я скинула его руку и начала орать на него срывающимся голосом. Я кричала, что он убийца, что он мог убить мою сестру. Я очень много чего кричала, обзывала его, начала его толкать. Мой мозг полностью отключился, чувства реальности происходящего не было совсем. Я хотела убить его, и я была готова это сделать. Наверно,

это и называется состоянием аффекта. Но парень, тот, что нащупал пульс и вызвал скорую, схватил меня сзади и оттащил от водителя. Я сопротивлялась, тоже что-то совсем нелестное говорила ему, но он продолжал меня держать. Потом я успокоилась, и он меня отпустил, взяв с меня обещание, что я не буду подходить к водителю. Истерика почти закончилась, я стояла и тихо всхлипывала. Он меня обнял и что-то говорил. Его тихий голос меня успокаивал. Я не отстранилась от него, хотя никогда до этого не обнималась с незнакомыми парнями, да и со знакомыми тоже не особо. Мне просто тогда очень нужно было, чтобы меня кто-то именно обнял. Потом он вытирал слёзы с моего лица, обещал, что всё будет хорошо. Он даже был готов вместе со мной поехать на скорой, но врачи не разрешили, так как он не был родственником.

До больницы мы ехали на бешеной скорости с завывающей сиреной и мигалкой. Алису понесли в реанимацию: ей срочно требовалась операция. Приехали родители: я им уже сообщила обо всём по телефону. Мы все вместе сидели перед операционной. Операция длилась несколько часов, и я боролась со сном, но как родители и врачи не пытались уговорить меня поспать, говоря, что это поможет снять стресс, я не соглашалась. Затем родители пошли выпить кофе на первом этаже, а я осталась, взяв с них обещание, что они принесут мне чашечку экспрессо. Я не хотела оставлять Алису ни на минуту.

Спустя минуты две после того, как родители ушли, открылась дверь операционный, и вышел врач. Я вскочила и побежала ему навстречу. Я спросила, как она, пришла ли в себя, но он молчал. Он подбирал слова. Я почувствовала, что что-то не так и решила спросить напрямик: «Она жива? Скажите да или нет?». Он ответил, будто выдавливая из себя каждое слово: «Она... умерла», – и эти слова ножом ударили по мне.

«Как умерла? Алиса умерла? Он что-то путает. Наверно, мне послышалось. Алиса не могла умереть! Не могла! Так не должно быть! Нет, нет и нет! Я не хочу, чтобы это было правдой! Не-ет! Не-ет!»

Холод. Опять этот леденящий, сковывающий холод. Паника. Страх. Ненавижу страх. Врач бормотал извинения, говорил, что они сделали всё возможное, но я его не слушала. Он обещал, что всё будет хорошо! Он же обещал! Они все обещали! Как же я их всех тогда ненавидела!

Я качнулась. Казалось, я вот-вот упаду, но я сжала кулак, впилась ногтями в ладонь и смогла устоять на ногах. Казалось, будто я падаю в бездну, кричу в пустоту, но меня никто не слышит. В душе у меня была буря эмоций, но на самом деле я стояла, не произнося ни звука. Волна воспоминаний накрыла меня. Воспоминаний таких живых, словно это были кадры из жизни. Из чужой жизни. Там была не я. Та «я», что там была, жила до этой аварии. Я уже не была ей.

Я вспоминала, как мы вместе мечтали и строили планы на будущее, как загадывали желания под падающей звездой. Как мы вместе дурачились, бесились, сходили с ума, словно пьяные, хотя без вина. Как иногда ссорились. Она была моим самым близким и дорогим человеком! Я любила её сильнее всего на свете!

Мне тогда казалось, что меня разорвёт. Мне хотелось кричать, вопить, но я молчала. Я стояла и молчала. По лицу текла слеза, а я не могла произнести ни звука. Мне было больно, но я была в оцепенении.

Врач спросил, где мои родители, и мы вместе спустились на первый этаж. Он пошёл в столовую, а я осталась напротив входной двери. Я представляла лица родителей, когда они узнают о смерти Алисы, их испуганные глаза, морщинки, собирающиеся на лбу отца, дрожащий голос матери, которая вот-вот заплачет. Я не могла сказать им это, у меня не поворачивался язык произнести эти два слова. Я не могла смотреть на то, как им будет больно, как мама будет плакать.

Я почувствовала, что мне нужно освежиться. Прежде чем охранник что-нибудь сообразил, я бросилась к двери, резко её открыла и оказалась на улице. Был декабрь, и холодный,

морозный воздух ударил мне в лицо, но он не мог сравниться с тем холодом, что был внутри меня. Я выбежала без куртки, всё ещё в белом халате посетителя, с растрёпанными волосами. Была уже ночь, во всех домах был погашен свет, и только фонари освещали дорогу. На улице не было ни души. Я побежала. Ветер дул мне в лицо, снег прилипал к ресницам и мешал мне видеть, но мне было всё равно. Только вперед, как можно дальше от больницы. Я будто пыталась сбежать от смерти Алисы.

Я бежала, не разбирая дороги, и очнулась только на середине проезжей части. Как туда выбежала, не помню. Рядом затормозил чуть не сбивший меня красный дорогой автомобиль. Без понятия, что это была за марка. Я в них не разбираюсь – в них разбиралась Алиса.

Из автомобиля вышел какой-то парень.

– Совсем рехнулась? Куда смотришь?! Красный же горит! – заметив, белый халат посетителя, он добавил с усмешкой – Из психушки, что ли, сбежала? – но увидев мой заплаканный вид, он перестал на меня кричать. – Это же ты? Та девушка, чью сестру сбил грузовик? – его голос напомнил мне того парня с перекрёстка. Наверно, это и был он. – Садись в машину, – это звучало почти как приказ, и я послушалась его. Он тоже сел в машину, и мы поехали.

Несколько секунд или минут мы молчали. Я потеряла чувство времени.

– Куда тебя вести? – я промолчала. Я сама не знала куда. – Что с твоей сестрой? – я опять ничего не ответила, но он и так всё понял. Редкие слёзы непроизвольно скатывались по щекам. – На, – он протянул мне бумажный платок. Я взяла его и вытерла слёзы. Тушь, наверно, потекла, и я была очень страшной, хотя не страшней, чем когда у меня была истерика.

– Я очень страшная? – голос казался чужим, будто не моим. Помню, Алиса всегда немного переживала, что у неё потекла тушь, после того как она поплакала над грустным фильмом. Даже из зала кинотеатра боялась выходить, чтобы не попасться людям на глаза. Хотя не такой уж страшной она тогда и была.

– Нет. Вообще нет. Тушь только немного размазалась, – через несколько секунд он взял свой телефон. По-моему, айфон X, хотя не уверена. Алиса в телефонах разбиралась, не я. Парень открыл камеру для селфи и протянул его мне вместо зеркала.

«Немного размазалась» означало очень сильно. Я была похожа на панду. Бумажным платком я постаралась стереть тушь под глазами, но, по-моему, стало только хуже, хотя парень уверял, что я нормально выгляжу. Либо у него со зрением были проблемы, либо он просто не хотел меня расстраивать. Но я и так была расстроена. Расстроена – это мягко сказано. Я была подавлена, сломлена, опустошена.

– Если хочешь, я подвезу тебя до дома, только адрес скажи, – я пробормотала в ответ адрес, и дальше мы ехали молча, пока он не спросил, когда я последний раз ела, и хочу ли я есть. Ела я последний раз ещё до аварии, часов в двенадцать, а сейчас уже было десять, но мне не хотелось есть. Он попытался меня уговорить и через несколько минут затормозил рядом с «Макдоналдсом». Алиса любила там есть. Мы редко бывали в ресторанах быстрого питания, но один из них находился рядом с нашей новой школой, и временами, иногда раз в несколько месяцев, иногда три дня подряд, бывало, что мы там ели, гуляя после школы.

Парень заставил меня выйти и пойти с ним. Он заказал кока-колу, картошку и нагетсы себе и спросил, что буду я. Я опять ответила, что не голодна, но он заставил меня сделать заказ. Мне не хотелось его обидеть, и я взяла чизбургер и апельсиновый сок, который любила Алиса. Мне он тоже немного нравился, но не так сильно, как ей. Я съела чизбургер в машине, вернее запихнула в себя, не чувствуя вкуса, и запила соком. Наверно, парень был прав: я была тогда совсем измождённой, и мне было просто необходимо поесть.

Мы ещё долго ехали. Он спросил меня, знают ли мои родители, где я, и дал свой телефон написать им сообщение или позвонить. Но я не помнила их номеров и сказала ему об этом. Тогда парень, узнав от меня, что они остались в больнице, нашёл телефон, по которому можно с ней связаться. Дозвонившись, он спросил, не ищут ли они какую-то девушку, и описал меня.

Получив утвердительный ответ, парень сообщил, что везёт меня домой. Трубку дали моим родителям, я слышала их взволнованные голоса, но когда они захотели поговорить со мной, я отчаянно замотала головой. Я не была в состоянии с ними разговаривать. Парень сказал, что я заснула, за что я ему была благодарна. Повесив трубку, он сообщил, что мы приедем примерно через полтора часа, немного позже моих родителей, так как мы сделали небольшой крюк. Затем парень включил радио: какую-то спокойную, расслабляющую музыку, и я заснула.

Родители потом рассказали, что он принёс меня на руках и позвонил в дверь. Они были ему очень благодарны, но он не взял ни денег, не оставил ни телефона, ни адреса – ничего. Я не запомнила его лица. Я была тогда не в том состоянии, и слёзы очень часто мешали мне его разглядеть. Но у меня осталась его куртка. Когда мы шли в «Макдоналдс», он заставил меня её надеть, хотя нужно было пройти всего несколько метров, но мне было лень спорить. На этой куртке не было никаких зацепок, только какая-то фирма, наверно, дорогая. В фирмах я тоже не разбираюсь – в них разбиралась Алиса. Ни я, ни родители так и не нашли этого парня, а жаль: я бы хотела его поблагодарить. Если бы не он, я могла попасть под машину, заблудиться, замёрзнуть, на меня могли напасть, да мало ли что. Он, можно сказать, спас меня. Но я немного отвлеклась.

– Ты в порядке?

– В полном! – отрезала я. Всё-таки этот бокал был лишним, я и так до этого немного выпила. И если я в ближайшее время не доберусь до туалета, меня вырвет прямо здесь. Я сделала несколько шагов, пошатнулась и упала.

– Чёрт! – вырвалось у меня. Я попыталась встать, но не смогла. Правая нога сильно ныла. Похоже, я её подвернула. Не надо было надевать эти чёртовы туфли на высоких каблуках!

– Тебе помочь? – Кирилл протянул мне руку и помог подняться.

– Спасибо, – я захромала к туалету. Каждый шаг отзывался болью в правой ноге, и я тихонько вскрикивала.

– Сильно упала?

– Достаточно.

– Давай я посмотрю твою ногу, – я послушно села на ближайший стул, и он потрогал мою лодыжку. – Сильно подвернула, – да ладно, а то я не поняла. – Можешь идти, опираясь на меня, так легче будет, – ещё не хватало, чтобы он меня до туалета довёл. Когда он уже отвалит?!

– Нет, спасибо, я сама, – я доковыляла до туалета, у меня уже темнело в глазах от боли, когда меня вырвало на пол, и я потеряла на несколько секунд сознание. Очнулась я на полу в своей рвоте. Рядом уже был Кирилл, прибежавший на звук падения моего тела (конечно, он не мог пройти мимо!). Он помог мне подняться. Я смыла рвоту с лица вместе с косметикой, туалетной бумагой попыталась убрать её с платья, (с моего любимого платья!), но оно всё равно было уже испорчено, как и моё настроение несмотря на то, что портиться ему, вроде, было некуда. Кирилл помог мне оттереть рвоту с пола и всё стоял, и пялился на меня. Меня это сильно взбесило. Мало того что он видел, как я валялась на полу в собственной блевоте, так он ещё глаза свои вытаращил!

– Чё пялишься?! – злобно набросилась я на него.

– Я не пялюсь. Просто думал предложить тебя подвести. С подвёрнутой ногой и в таком состоянии, ты вряд ли сама доберёшься, да и поздно уже одной по улице идти, а остаться на ночь здесь тоже небезопасно, – из комнаты слышался шум, пьяный смех и крики. Да, там все были пьяные в хлам, и если честно, доверия они мне не внушали. Кто знает, что им придёт в голову в таком состоянии?

– То есть ты предлагаешь, чтобы я поехала с почти незнакомым мне парнем в машине поздно вечером? – Мы познакомились на этой вечеринке, ну или вернее вписке. Познакомила нас моя подруга Яна, которая всё это и организовала, и в чьей квартире мы сейчас находились. Целью вписки было выпить, ну и пообщаться. Из всех приглашённых я знала только Яну. И вскоре все настолько напились, что мне стало противно и страшно находиться рядом с ними. Многие несли какой-то бред заплетающимся языком, кто-то из парней стал отпускать пошлые шуточки, один парень с девушкой стали жадно целоваться, лёжа на диване, а кого-то вырвало прямо на ковёр... Короче, я решила уйти оттуда и ушла на балкон, где, наконец, смогла побыть наедине с собой и своими мыслями, пока не появился этот странный парень по имени Кирилл, который прилип ко мне, как банный лист.

– Не, ну, если хочешь, оставайся тут или иди одна. Моё дело только предложить, – он развёл руками.

Я прикусила губу. Во рту всё ещё стоял противный привкус рвоты. Выбор у меня был небольшой. Комендантский час уже давно наступил, от меня пахло алкоголем, и попадаться на глаза полиции не особо хотелось. Да и вообще, возвращаться поздно вечером одной небезопасно, да и нога сильно болела. Остаться здесь я даже не рассматривала, хотя родителям сказала, что останусь на ночь у подруги. В подробности они, конечно, не были посвящены. Они даже не знают, что я курю и иногда пью. Но им этого и не нужно знать.

– А ты на машине приехал?

– Ну да. Она около подъезда стоит.

– А права-то у тебя есть?

– Есть. Мне недавно восемнадцать исполнилось, – да-м, конечно, ехать поздно вечером с малознакомым парнем было не лучшей идеей, но получается, что мне больше ничего не оставалось, да и из всех, кто здесь был, он казался наименее пьяным.

– Хорошо, пошли, – и с видом королевы я направилась к выходу. Если точнее, то с видом хромающей шатающейся королевы, немного пьяной, от которой пахло сигаретами и рвотой. Я была сама себе противна. Первый раз довела себя до такого состояния. Я пшикнула на себя из флакона духами и стала жевать мятную жвачку. Я старалась, как можно меньше шататься и не охать от боли.

– Обопрись на меня, – держась за плечо Кирилла, я вышла из подъезда, у которого стояла красная иномарка парня.

– Это твоя куртка? – неожиданно спросил он. На мне была куртка того самого незнакомого парня. Она была, вроде, унисекс, и мне она понравилась.

– Ну да.

– Просто она мужская.

– Ну и что? Это не значит, что она не моя. У тебя, например, машина девчачья, – не, ну серьёзно: красные машины только у девушек и мажоров. Кирилл сделал вид, будто не услышал моего замечания.

– Куда тебя везти? – спросил он в машине. Серьёзно, а куда? Домой я в таком виде явиться не могла: своих ключей у меня не было, а я не хотела, чтобы мама с бабушкой что-то заподозрили. Друзей у меня было не так много. Кроме той девочки, в чьей квартире мы были, у меня было ещё две подруги и две приятельницы. Приятельницы и одна из подруг точно не вариант: они вообще не знали, что я начала курить, и пьяной к ним приходить не хотелось: не хотелось шокировать их и ломать им психику. А у оставшейся подруги дома наверняка были родители.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.